

* Военный дневник

К 100-ЛЕТИЮ * * *
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Василь Быков

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

ОГИЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 2024

УДК 821.161.3-94
ББК 84(4Бел)-44
Б95

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

*Издательство благодарит за предоставленный фотоматериал
Сергея Шапрана*

*Фотографии на обложке предоставлены:
Самарий Гурарий / РИА Новости и Евгений Коктыш /
РИА Новости (ФГУП МИА «Россия сегодня»)*

*Художественное оформление — Григорий Калугин
Предисловие — Сергей Шапран*

Быков, Василь Владимирович.

Б95 Долгая дорога домой / Василь Быков [пер. с бел., предисл. В.Е. Тараса]. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. — 480 с. — (Военный дневник).

ISBN 978-5-17-160841-5

Книга приурочена к 100-летию со дня рождения великого белорусского писателя, участника Великой Отечественной войны Василя Быкова (1924–2003). Окончив пехотное училище в чине младшего лейтенанта, Быков воевал с осени 1943-го и до победного мая 1945-го; трижды раненный, он до конца своих дней носил осколок в правой руке.

Во всех произведениях писателя есть один неизменный герой, и это отнюдь не сам автор, чье незримое присутствие так или иначе каждый раз ощутимо. Этот герой — правда. И этому своему герою Быков оставался верен в самые мрачные годы, когда его запрещали и травили «от Москвы до самых до окраин».

Воспоминания «Долгая дорога домой» стали последней книгой Василя Быкова. С присущей ему откровенностью автор рассказывает о наиболее ярких эпизодах своей жизни, дает оценку общественно-политическим и культурным процессам, происходившим на его глазах. И хотя автобиографичные моменты в той или иной степени присутствуют в большинстве произведений Быкова, эта последняя книга, вне сомнений, самая исповедальная.

**УДК 821.161.3-94
ББК 84(4Бел)-44**

© Быков В.В., наследники, 2024
© Тарас В.Е., наследники, 2024
© Шапран С.В., предисловие, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-160841-5

Остаться собой

*Совесьть, благородство и достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь...*

Эти строки принадлежат Булату Окуджаве, который, как и Василь Быков, мальчишкой пошел на фронт, и который, отвечая однажды на мои расспросы о литературных пристрастиях, сказал: «К Быкову у меня особое отношение: мы — ровесники, мы — фронтовики. У него крепкая рука и его мир, который он преподносит мне, очень сходен с моим. Я наслаждаюсь».

В домашней библиотеке писателя и сегодня хранятся «Песни Булата Окуджавы» с дарственным автографом: «Дорогой Василь, в эту бурную эпоху посылаю тебе свои тихие песенки. С давней любовью. Булат. 29.6.90». И эта высокородная «Песенка», конечно же, и о Василе Быкове тоже: «Совесьть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство...» Неслучайно на исходе 1980-х не власть держащие, а студенты из белорусского города Новополоцка в письме в газету назвали писателя совестью нации. С той поры это определение навсегда закрепилося за Быковым. К нему, как некогда ко Льву Толстому, шли с вопросом: «Как жить, Василь Владимирович?»

И не удивительно. Близкий друг Алесь Адамович, прозаик и кинодраматург, в шестнадцать ставший рядовым партизанского отряда, вспоминал, как прогуливались они однажды с Быковым и говорили о том, а хотели бы начать жизнь снова? Прошлое зачеркивается полностью, тебе двадцать — живи снова! Рассуждали, что плохо ли хорошо, но прошли по жизни,

хоть и с большими потерями, одного все же не утратив — лица будто бы не утратили. Хочется верить, что не загнала жизнь (а ведь загоняла) в чужую, не свою шкуру. И вот прикинули: выстояли б еще раз? В итоге оба сошлись на том, что не приняли б такого подарка — не захотели б начать жить снова.

О Василе Быкове еще при жизни было написано около десятка литературоведческих книг. Пожалуй, лучшая — авторства Игоря Дедкова — названа на редкость метко: «Повесть о человеке, который выстоял». На ее страницах автор риторически спрашивал: «Почти неизъяснимо, почему — правда. Почему у Быкова всегда — правда?» Справедливо заключал в дни прощания с белорусским писателем и Леонид Жуховицкий: «Я не стану говорить, что из писателей-фронтовиков Василь Быков был первым, но он никогда не был вторым. Ни вторым, ни третьим, никаким. Это как линкоры, они идут в линию, и впереди никого нет».

Вот уж точно, в книгах того, кого литературная критика нарекла представителем «лейтенантской прозы» (окончив пехотное училище в чине младшего лейтенанта, Быков воевал с осени 1943-го и до победного мая 1945-го; трижды раненный, он до конца своих дней носил осколок в правой руке — той самой, которой были написаны все его знаменитые военные повести), есть один неизменный герой, и это отнюдь не сам автор, чье незримое присутствие так или иначе каждый раз ощутимо. Этот герой — правда. И этому своему герою Быков оставался верен в самые мрачные годы, когда его запрещали и травили «от Москвы до самых до окраин». Когда регулярно вызывали на «профилактические беседы» в Минск и Гродно, где он в ту пору жил. Когда имя писателя фигурировало в докладных Главлита, тогдашней Мекки советской цензуры, и в секретных донесениях двух руководителей КГБ СССР — В. Семичастного и Ю. Андропова. Когда неутомимые цензоры читали Быкова разве только не под лупой, подсчитывая соотношение «хороших» и «плохих» персонажей. Когда в его доме били окна, и днем и ночью не прекращался телефонный террор: «Сколько вам заплатили за клевету на Советскую армию?» Когда в школах и на предприятиях выступали с лекциями о бдительности, где примером был Быков, чьи произведе-

дения, видите ли, «направлены на подрыв советской власти». Когда вербовали близких к нему людей и, желая заставить несговорчивого автора играть по их правилам, беспощадно расправлялись с его друзьями: на одного, писателя-фронтовика Алексея Карпюка, оставив его самого и его семью без средств к существованию, сфабриковали подложное уголовное дело; другому, историку Борису Клейну, лишив научной степени и работы, не позволили покинуть Гродно: «Вы будете маячить на гродненских улицах как тень, чтобы все видели, какая судьба ждет того, кто пойдет против нас».

Но в то же время была и солидарность коллег — писатели, знакомые и нет, письменно и устно высказывали слова поддержки и утешения: Алесь Адамович, Виктор Астафьев, Микола Бажан, Григорий Бакланов, Юрий Бондарев, Рыгор Бородулин, Янка Брыль, Геннадзь Буравкин, Анатоль Вертинский, Даниил Гранин, Аркадзь Кулешов, Кайсын Кулиев, Михась Лыньков, Иван Мележ, Виктор Некрасов, Пимен Панченко, Сергей Смирнов, Константин Симонов, Александр Солженицын, Владимир Тендряков...

«Сегодня ночью дочитал “Мертвым не больно”. Не могу сказать, как ты мне близок, как хочется обнять тебя, поблагодарить. Да, им уже не больно. Но боль за них, живущую в нас, быть может, сильнее всех выразил ты...» — писал Григорий Бакланов. А Виктор Некрасов — тот самый Некрасов, с чьей повести «В окопах Сталинграда» и ведет отсчет правдивая литература о минувшей войне, — признавался в одном из писем: «Мы с Вами не знакомы, но после последней Вашей вещи и всего, что вокруг нее произошло, мне кажется, что мы знакомы уже тысячу лет...»

И тут особо, конечно, следует вспомнить Александра Твардовского, который не только взял на себя смелость напечатать в «Новом мире» те самые «крамольные» повести, но в наиболее драматичные для Василя Быкова дни провидчески написал ему: «Все минется, а правда останется». «Это было утешение, и я с радостью принял протянутую мне руку поддержки, тем более такую руку! — вспоминал впоследствии Быков. — Как при вспышке молнии во тьме, явственно обнаружился ориентир, который я, ослепленный и растерзанный, готов был

потерять в громыхании критических залпов. Он дал мне возможность выстоять в самый мой трудный час, пошатнувшись, вновь обрести себя и остаться собой».

Обо всем этом и многом другом и рассказывается в этой книге. И хотя автобиографичные моменты присутствуют в той или иной степени в большинстве произведений Быкова, но вот эта последняя книга, «Долгая дорога домой», вне сомнений, самая исповедальная. Может, еще потому, что написана на склоне лет и на чужбине.

Шел заключительный акт быковской драмы — в 1998 году писатель покинул Беларусь, где его жизнь становилась все невыносимей. Финляндия, Германия, Чехия — эти страны дали пристанище тому, кого европейская критика называла современным Достоевским и последним, после смерти Генриха Бёлля, классиком европейского экзистенциализма. Со стороны немолодого человека, прожившего в условиях несвободы тоталитарной страны, это был, должно быть, не только мужественный поступок, но и вызов системе. До Быкова на подобное никто из белорусских литераторов не отваживался — в СССР даже временный отъезд из страны расценивался как предательство. И хотя писателя в 1960-е годы, как потом Солженицына, выдвигали из страны, он, однако, остался. Теперь же, на рубеже столетий, Быкову было суждено прожить вдаль от дома почти пять лет. В Минск он вернулся, зная о своем смертельном диагнозе. И хотя был обратный билет в Прагу, никуда уже не поехал.

Об этом последнем периоде вынужденных странствий могло повествовать продолжение «Долгой дороги домой» — ее машинописная редакция завершалась следующим образом: «*Sakavik 2002 г. Франкфурт. Конец першай кнігі*»¹. Однако при первой публикации последние три слова исчезли, и продолжения не последовало. Книга вышла за несколько месяцев до кончины автора. Времени на вторую не то что не оставалось — его уже попросту не было...

По символичному совпадению, он ушел через несколько дней после 79-го дня рождения — 22 июня. И как тогда, в 1941-м, в этот день светило солнце... Трудно припомнить другие об-

---

¹ «Март 2002 г. Франкфурт. Конец первой книги» (бел.).

щенародные похороны — проститься с *совестью нации* пришли бесчисленные тысячи, гроб с телом писателя долго плыл на руках по центральной магистрали Минска — тогдашнему проспекту Франциска Скорины. Так же, должно быть, прощался с Достоевским Петербург и расставалась с Окуджавой Москва...

С каким чувством уходил Василь Быков? Этого, конечно, никогда не узнать. Однако достоверно можно сказать, с какими достоинством и верой прожил. Об этом есть в его интервью, публицистике и эпистолярии, но прежде всего — в этой книге. А еще у столь любимого им Альбера Камю, в романе «Чума», который Быков, вслед за Твардовским, называл Евангелием XX века. Помните, когда в разгар эпидемии чумы людьми овладело отчаяние и неверие в возможность спасения, главный герой по имени Риэ, врач по профессии, признается: «Знаю, так всегда будет. Но это еще не довод, чтобы бросать борьбу». Его собеседник замечает в ответ: «Верно, не причина. Но представляю, что же в таком случае для вас эта чума». — «Да, — соглашается Риэ. — Нескончаемое поражение».

Василь Быков жил с тем же ощущением — это именно ему принадлежит горькая фраза: «Может, за ними и победа, а за нами — истина». Что, однако, не могло стать причиной, чтобы он хоть однажды отступил или сдался. И этот сформулированный Альбером Камю постулат, и *святое воинство* Булата Окуджавы — все это своего рода эпитафия к судьбе автора «Долгой дороги домой». Равно как и одно из правил жизни самого Быкова, озвученное им в самом начале литературного пути (еще не были написаны ни «Круглянский мост», ни «Сотников», ни «Знак беды» — многого не было даже в замыслах), когда после выхода в 1966 году «Мертвым не больно» кампания травли только набирала обороты и, казалось, все еще можно открутить назад — надо лишь публично покаяться. Но вместо, казалось бы, спасительного посыпания головы пеплом Василь Быков решился на немислимое — выйдя на трибуну писательского съезда, он, вопреки ожиданиям, не стал признавать несуществующую «вину», а сказал четко и недвусмысленно: «Выбор у нас небольшой — вопрос стоит так: или литература, или нелитература. Середины — нет». Собственно, это и были выбор и путь писателя, пожелавшего остаться собой.

Сергей Шанран

Дни рождения Василя Быкова

Он родился 19 июня 1924 года в деревушке Бычки Ушачского района Витебской области в крестьянской семье. Но можно сказать, что он рожден в июне, июнем — дважды. В 1924-м — как хлопчик Василёк, любимый мамин Василька, в 1941-м, 22 июня — как воин Великой Отечественной, что определило его послевоенную судьбу.

Он ушел на фронт семнадцатилетним юношей, вчерашним школьником. Воевал сперва рядовым, потом был направлен в Саратовское пехотное училище, по окончании которого стал командиром взвода автоматчиков, затем попал в полковую артиллерию, где тоже был взводным командиром. Со своими «сорокапяточками», маленькими противотанковыми пушечками, прошел через Украину, Румынию, Венгрию, Югославию, Австрию, был дважды ранен, награжден двумя боевыми орденами, боевыми медалями. День Победы встретил с огромным, тяжелым, как сама война, багажом за плечами. Тогда он и сам еще не знал, что это за багаж, еще нужно было в нем разобраться, осмыслить свой опыт, понять войну и себя самого. И свое время. А в багаже том незримо лежали будущие повести — «Журавлиный крик» и «Третья ракета», «Проклятая высота» и «Альпийская баллада», «Сотников» и «Мертвым не больно», «Круглянский мост» и «Знак беды», «Волчья стая» и «Дожить до рассвета», «Измена» и «Пойти и не вернуться» и многие другие.

Все эти повести завоевали огромную читательскую аудиторию, многие из них шагнули на киноэкран: художественными фильмами стали «Альпийская баллада», «Третья ракета», «Волчья стая», «Знак беды», «Сотников» (экранный название «Восхождение»), по «Альпийской балладе» был поставлен балет (музыка талантливого белорусского композитора Евгения

Глебова), инсценировки ряда повестей ставили московские театры. Казалось бы, удачливая литературная судьба, мировая слава (произведения Быкова переведены на все европейские языки, на многие языки народов других континентов), лавры в своем отечестве: две Государственные премии (за повести «Обелиск» и «Дожить до рассвета»), за повесть «Знак беды» — высшая советская государственная премия, Ленинская, к шестидесятилетию со дня рождения — звание Героя Социалистического Труда. Но, к сожалению, или к счастью, его писательская жизнь была далеко не безоблачной. Потому что его писательским кредо была формула: «Клянусь говорить правду, всю правду, только правду, ничего, кроме правды». А правда, как известно, сама по себе глаза колет, вооруженная незаурядным талантом, — тем более. Потому и был он неоднократно жестоко бит идейно припадочной партийной критикой, потому и пытались его задабривать госпремиями и высокими званиями. Дабы смирить. А он на это иронически улыбался. Когда присвоили ему звание Героя Социалистического Труда, сказал друзьям: «Ну вот, накинули на меня золотой поводок, думают, что уж с него-то не сорвусь». Не вышло!

При всех лаврах и регалиях народный писатель Беларуси Василь Быков оставался самими собой — апостолом правды. И в советское время, и в постсоветской Беларуси. С новой властью, как и с советской, отношения у него тоже не сложились, когда твердо стал на позиции белорусского национального возрождения. Возобновилась старая травля, он вынужден был уехать из Беларуси, жил в Германии, недолгое время в Чехии, в Праге. На чужбине настигла его роковая болезнь...

Мне выпало счастье быть его другом почти полвека. Но мог ли я предугадать, что именно мне доведется перевести на русский язык его последнюю книгу!.. Ту, которая перед вами, — «Долгая дорога домой». Это его воспоминания, рассказ о собственной жизни. Как всё у Быкова, честный, искренний, правдивый. (Белорусское издание вышло в Минске, в конце 2002 года, в издательстве «Книга».) Весной 2003-го Василь Владимирович вернулся в Минск долечиваться в Боровля-

нах после перенесенной в Праге тяжелой операции. 26 мая я был у него дома — в последний раз при его жизни. В тот день он был бодр, оживлен, даже весел, у всех его близких и друзей была надежда, что все обойдется. В тот день он и попросил меня перевести «Доугаю дарогу дадому», вручил ее мне с дарственной надписью.

И еще вручил тетрадь дополнений, свыше тридцати новых главок, пометил на страницах книги, куда эти главки надо вмонтировать (в белорусском издании их нет).

Менее чем через месяц его не стало — 22 июня 2003 года. Магия судьбы замкнула круг его жизни на этой дате — дате начала Великой Отечественной, мужественным солдатом которой он был четыре фронтовых года, о которой рассказал так много. Долгая дорога домой завершилась в вечности.

Для него завершилась, а для нас — продолжается. Ведет нас к нему, к тому, во что он верил, что отстаивал своим пером: правду, справедливость, человеческое достоинство.

Валентин Тарас

Короткое предисловие

Прежде всего, хочу предупредить читателя, что эта книга — произведение очень личное, субъективное, одностороннее, какими, впрочем, почти всегда являются мемуары. В этом их сила, но одновременно и слабость, повод для претензий и несогласия с автором. В свое оправдание могу лишь сказать, что ни в коем случае не намеревался кого-то оскорбить, что-то исказить или представить в неадекватном свете.

Большинство упоминаемых в книге персон названы их подлинными именами и фамилиями. Лишь в отдельных случаях они изменены — из этических соображений, нежелания задеть человеческое достоинство кого бы то ни было. Да и в интересах автора.

Насколько это возможно, автор старался придерживаться хронологии, однако не всегда это удавалось. Особенно там, где разные по содержанию и характеру события не совмещались в одной логической цепочке, выпадали из нее в отдельное повествование.

Приношу свои извинения тем, кого не упомянул здесь, о ком написал мало, а тем более не так, как они того заслуживают. Тем, кого огорчил обнародованными фактами или чрезмерно резкими характеристиками. Намеренно никого не хотел обидеть.

Василь Быков

Родные мои места, по-видимому, не очень типичны для равнинного севера Беларуси: резко пересеченный рельеф, холмы и ложбины, овраги, болота и озера. Озер, пожалуй, даже излишек — посреди поля и лесных, круглых, овальных, с искривленной конфигурацией берегов, порой голых, а в большинстве заросших камышом. Ну и, конечно же, леса. Красных боров, правда, осталось мало: их вырубали — особенно после войны — на строительство, на дрова, на продажу. Поля почти повсюду тесные — лоскутки на пригорках, в низинах, часто изрезанные оврагами с олешиком на склонах. На этих лоскутках возле леса, возле болота, по-над речками и озерами рассыпаны деревни — небольшие, с кривыми улицами, а то и без улиц, — от хаты к хате ведут тропинки. Не хутор и не село, но так, очевидно, сподручней было вести хозяйство, когда всё под рукой, вблизи хаты — и хлева, и амбар, и картофельные погреба, гумно с молотильным током, поветь и сарай для сена. Даже маленькая деревушка издали казалась большой застройкой. С течением времени строений оставалось все меньше — горели, разрушались, переносились поближе к колхозным усадьбам, коровникам и конюшням. Меньше становилось и людей. Ныне в моих родных Бычках два десятка хат, половина из которых пустует. В остальных доживают свой век немощные пенсионеры.

Наш двор в деревне был крайний, дальше — поле и заросший олешиком да орешником овраг. С этим оврагом прежде всего и связано мое раннее детство; в овраге, особенно летом, все поражало маленького хлопчика, все было чудом, манило к себе, вызывало острое любопытство. Там сливались два ручья, образуя у камней запруды; тропинка, ведущая к ней, была изрыта кротами — над входами в нору

чернели холмики свежей земли; чуть подальше, на склоне оврага, зияла нора барсука; у подножья обрыва струилась из-под камней криничка.

Все довоенные годы мы брали из нее воду, хотя зимой тяжело было таскать ведра по крутым скользким тропкам. Но колодца во дворе хаты у нас не было, а криничная вода была чудесная — чистая, студеная даже в зной, вкусная, как говорила мама. В колодце такой не бывает.

С обрыва в овраг видны были вдали купы ельника — то место называлось гаи, Ближние и Дальние, куда ребягня начинала ходить с Пасхи, как только подсыхали стежки. Там начинался уже совсем другой мир — лесной, сумрачный и таинственный. Зимой, на Филипповку, в трескучие морозы было слышно, как там воют волки, но логова их находились в другом месте, которое называлось Волковщиной, — это в стороне от гаёв и довольно далеко, за другим, еще более глубоким оврагом. Чего-чего, а оврагов у нас хватало, все в густых зарослях кустарника, с головокружительными крутыми склонами.

Себя помню лет с пяти. И первые мои яркие впечатления об окружающем мире связаны с озером, овраг — это позже.

Мой друг Володя Головач, который был старше меня года на три, предложил однажды: «Пошли на озеро!» Конечно, это было очень заманчиво, но до озера километра два — для пятилетнего мальчонки чуть ли не кругосветное путешествие. Да еще самовольно, без разрешения родителей. И вот мы пошли. Сперва надо было перейти поле льна, затем перебраться через глубоченную, страшную овражину, затем взобраться на крутую горку. И уже с нее можно было увидеть озеро, которое неровной блестящей заплатой легло на лесной дол. Противоположный берег тоже был холмистый, крутой, поросший елями и дубами. Перед самым озером удобный пологий бережок, песчаная отмель, рядом огромная крутая горка, а на ней дубы. Впервые в жизни я видел такое чудо! (Говорили, что на горе было когда-то языческое капище.) Погода была тихая, ясная, и противоположный берег отражался в озере вниз головой. Это поражало.